

Братъя
Земганно

Эдмон де Гонкур

**БРАТЪЯ
ЗЕМГАННО**

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Г65

Перевод с французского Е. Гунста

Гонкур, Э. де

Г65 Братья Земганно / Э. де Гонкур; [пер. с фр. Е. Гунст].
- М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ. - 242 с.

ISBN 978-5-519-66180-5

25 октября 1878 года Эдмон де Гонкур записал в своем дневнике: «Мне следовало бы приняться за роман о клоунах, так как в настоящее время мой ум находится в смутном и зыбком состоянии, как раз соответствующим подобному произведению, несколько выходящему за пределы абсолютной реальности». И вскоре мир увидел роман «Братья Земганно» – второй из романов, написанных Эдмоном де Гонкуром уже после смерти брата и полностью принадлежащих ему одному. Это уникальный и очень трогательный рассказ об истории жизни двух братьев-циркачей, с юных лет ушедших в большой мир за своей мечтой.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66180-5

© Т8 RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Перевод. Е. Гунст, наследники, 2018

Предисловие

Можно издавать «Западни» и «Жермини Ласерте», можно волновать, будоражить и увлекать некоторую часть публики. Да! — Но, по-моему, успехи этих книг — лишь блестящие схватки авангарда, великое же сражение, которое предопределит торжество реализма, натурализма, этюда с натуры в литературе, развернется не на той почве, какую избрали авторы этих двух романов. Когда жестокий анализ, внесенный моим другом г-ном Золя и, быть может, мною самим в описание низов общества, будет подхвачен талантливым писателем и применен к изображению светских мужчин и женщин в образованной и благовоспитанной среде, — тогда только классицизм и его охвостье будут биты.

Написать такой роман, реалистический роман об изящном, было нашей — моего брата и моей — честолюбивой мечтой. Реализм, — уж если пользоваться этим глупым словом, словом-знаменем, — не имеет, в самом деле, единственным своим назначением описывать то, что низменно, что отвратительно, что смердит; он явился в мир также и для того, чтобы артистическим письмом запечатлеть возвышенное, красивое, благоухающее и чтобы дать облики и профили утонченных существ и прекрасных вещей, — по все это лишь после прилежного, точного, не условного и не мнимого изучения красоты, после изучения, подобного тому, какому за последние годы новая школа подвергла уродливое.

Но почему, скажут мне, не написали вы сами такой роман? Не сделали хотя бы попытки к этому? — А вот почему. Мы начали с черни, потому что женщина и мужчина из народа, более близкие к природе и дикости, суть существа простые, не сложные, тогда как парижанин или парижанка из общества, эти крайне цивилизованные люди, резко обозначенное своеобразие которых все состоит из оттенков, полутонов, из неуловимых мелочей, подобных кокетливым и незаметным пустячкам, из которых и создается особенность изысканного женского туалета, — требуют многих лет изучения, прежде чем удастся разгадать, узнать, уловить их, — и даже самый гениальный романист, поверьте мне, никогда не поймет этих салонных людей по одним рассказам приятелей, идущих в свет на разведки вместо него самого.

Кроме того, вокруг парижанина, вокруг парижанки все запутано, сложно, требует для проникновения чисто дипломатического труда. Обстановку, в которой живет рабочий или работница, наблюдатель схватывает в одно посещение; а прежде чем уловить душу парижской гостиной, нужно основательно просидеть шелк на ее креслах и хорошенько поисповедовать палисандр и позолоту ее стен.

Поэтому изобразить этих мужчин, этих женщин и даже среду, в которой они живут, можно только при помощи громадного скопления наблюдений, бесчисленных заметок, схваченных на лету, целых коллекций человеческих документов, подобных тем грудам карманных альбомов, в которых после смерти художника находят все сделанные им за всю

жизнь зарисовки. Ибо, — скажем это во всеуслышанье, — одни только человеческие документы создают хорошие книги: книги, где подлинное человечество твердо стоит на обеих ногах.

Замысел романа, действие которого должно было происходить в большом свете, в свете самом утонченном, — отдельные хрупкие и мимолетные элементы этого романа мы медленно и кропотливо собирали, — я бросил после смерти брата, так как был убежден, что невозможно успеть в этом в одиночку... потом я вновь принялся за него... и он будет первым романом, который я намереваюсь издать в будущем. Но напишу ли я его теперь, в моем возрасте? Это мало вероятно... и настоящее предисловие имеет целью сказать молодым, что в этом теперь успех реализма, только в этом, а не в литературе о подонках, уже исчерпанной в наши дни.

Что касается «Братьев Земганно» — романа, который я издаю сейчас, — то это опыт в области поэтической реальности.¹

Читатели жалуются на жестокие переживания, которым подвергают их современные писатели своим грубым реализмом; они не подозревают, что создающие этот реализм сами страдают от него гораздо сильнее и что они иногда по нескольку недель болеют нервным расстройством после мучительно и трудно рожденной книги. Так вот, в том году я —

---

¹ За реалистическую обстановку, которою я окружил свою фабулу, мне хочется во всеуслышанье поблагодарить г-на Виктора Франкони, г-на Леона Сари и братьев Ханлонли, являющихся не только превосходными гимнастами, которым аплодирует весь Париж, но также и знатоками, рассуждающими о своем искусстве как истинные художники и ученые.

Эдмон де Гонкур

стареющий, недомогающий, бессильный перед захватывающим и тревожным трудом моих прежних книг — переживал именно такие часы, то душевное состояние, когда слишком правдивая правда была неприятна и мне самому! — И на этот раз я создал фантазию, грезу, к которой примешалось несколько воспоминаний.

Эдмон де Гонкур
23 марта 1879 г.

I

В открытом поле, у верстового столба, врытого на перекрестке, сходились четыре дороги. Первая из них пролегла мимо замка в стиле Людовика XIII, где только что раздался первый зовущий к обеду удар колокола, и поднималась затем длинными извилинами на вершину крутой горы. Вторая, обрамленная орешником и переходившая недалеко в ухабистый проселок, — терялась между холмами, склоны которых были покрыты виноградниками, а поля на вершинах лежали под паром. Четвертая тянулась вдоль песчаных карьеров, загроможденных грохотами для просеивания песка и двуколками с поломанными колесами. Эта дорога сливалась с тремя другими и вела через мост, гудевший под колесами телег, к городку, расположенному амфитеатром на скалах и опоясанному большой рекой; один из изгибов ее, пересекая пашни, омывал край начинавшегося за перекрестком луга.

Птицы стремительно летали в небе, еще залитом солнцем, и испускали резкие отрывистые крики — краткие вечерние приветствия. Прохлада спускалась в тень деревьев, лиловый сумрак разливался по колеям дорог. Лишь изредка доносилось жалобное

---

² Доде Юлия (1847-1940) — жена писателя Альфонса Доде, автор очерков, стихов и мемуаров. Эдмон де Гонкур считал семью Доде самыми близкими своими друзьями.

поскрипывание уставшей телеги. Глубокая тишина поднималась с пустых полей, покинутых человеком до следующего дня. Даже река, покрытая рябью лишь вокруг купавшихся в ней веток, казалось, утратила стремительность и текла, как бы отдыхая.

В это время на извилистой дороге, сбегавшей с горы, показалась странная фура, запряженная запаленною белою лошадкой и гремевшая железом, как расхлябанная машина. То была огромная повозка с почерневшим и проржавевшим цинковым верхом, на котором намалевали широкую оранжевую полосу. В передней части повозки были устроены своего рода сени, где несколько стеблей плюща, растущего в старой заплатанной кастрюле, поднимались кверху, образуя как бы фронтон из зелени; плющ, кочующий вместе с повозкой, сотрясался при каждом толчке. За повозкой следовала причудливая зеленая крытая двуколка, кузов которой расширялся кверху и выпячивался по бокам над двумя большими колесами, образуя подобие утолщенных боков steamboat³, вмещающих пассажирские койки.

На перекрестке с передней повозки соскочил щуплый длинноволосый седой старичок с трясущимися руками и стал распрягать лошадь, а в арке, обрамленной плющом, показалась молодая женщина. На плечах у нее была накинута длинная клетчатая шаль, прикрывавшая торс; ноги же и бедра ее, обтянутые трико, казались обнаженными. Ее руки, скрещенные на груди, зябкими движениями стягивали вокруг шеи шерстяную шаль, в то время как левая нога отбивала такт привычного марша. Так

---

³ Парохода (англ.).